

МОТИВЫ ФАТУМА И СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И А.С. ПУШКИНА НА ПРИМЕРЕ ГЛАВЫ «ФАТАЛИСТ» И ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ»

Сосунова Валерия Александровна,
*студентка второго курса,
направление подготовки
«Филология (русский язык)»
ВИ-ШРМИ ДВФУ*

Мотивы фатума и судьбы исследуются в целом ряде работ не только литературоведческих, но и философских. Интерес к темам фатальности и судьбы прослеживается в произведениях авторов XIX–XX вв. Это связано прежде всего с философской мыслью и течениями того времени, в особенности века XIX. Прогрессивная философская мысль же была связана с происходящими событиями в русском обществе. Интересно проследить, как эти темы отобразились в творчестве двух крупнейших писателей XIX в. – М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина. В качестве материала данной исследовательской работы выбраны повесть «Метель» А.С. Пушкина и глава «Фаталист» из романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

Задачами работы являются, во-первых, раскрыть трактовку мотивов фатума и судьбы в контексте разницы трактовок самими авторами, во-вторых, рассмотреть, каким образом они реализуются в повести «Метель» и главе «Фаталист», в-третьих, найти различия и сходства в их реализации. Хочется сказать, что в данной работе тема фатализма и судьбы связана с философскими мотивами этих двух писателей. Но как проявляются данные мотивы? Самый яркий пример проявления – образ лирического героя.

И.А. Виноградов в своей работе «Философский роман Лермонтова» пишет о том, что каждая эпоха рождает свой тип личности, который становится господствующим. Григорий Александрович Печорин всецело принадлежит к такому «господствующему» типу личности. Основанием для этого служит приведенная в статье И.А. Виноградова отсылка на высказывание Александра Герцена о становлении некоего «человеческого типа» после декабристского восстания 1825 года: «...все мы в большей или меньшей степени Онегины, если только не предпочитаем быть чиновниками или помещиками. Цивилизация нас губит... заставляет переходить от чудачества к разгулу, без сожаления растрчивать наше состояние, наше сердце, нашу юность в поисках занятий, ощущений, развлечений, подобно тем ахейским собакам у Гейне, которые, как милости, просят у прохожих пинка, чтобы разогнать скуку. Мы занимаемся всем: музыкой, философией, любовью, военным искусством, мистицизмом, чтобы только рассеяться, чтобы забыть об угнетающей нас огромной пустоте», – типический характер последекабристской эпохи. Вот и Печорин являет нам подобный тип, «с отчаянием задающий себе один и тот же мучительный вопрос: «Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения...». Эти строки главы «Княжна Мэри» из романа «Герой нашего времени» обращают внимание к теме судьбы и фатализма. Данный аспект исследования стал определяющим в целом ряде научных работ.

Интересный взгляд на данную проблему находим в известной работе Ю. Лотмана, где он указывает на доминирование в его художественном творчестве ведущего концепта – концепта судьбы. Р.А. Гальцева в словарной статье, помещённой в «Лермонтовскую энциклопедию» рассматривает мотив судьбы и

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

рока в творчестве М.Ю. Лермонтова. Р.А. Гальцева пишет: «Судьба – признанная сила в мире лермонтовских героев и важнейший фактор мироощущения поэтов. <...> Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем “рока”, “жребия”, “фатума”, “закона”, по своей сути недоброжелательна к человеку. <...> По Лермонтову, существует нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов...».

С этой точки зрения можно прокомментировать образ Печорина в главе «Фаталист» романа «Герой нашего времени»: Печорин в казачьей станице, играет в карты (показатель нового «человеческого типа») и рассуждает о предопределении. Он считает, что «истинное наслаждение... встречается душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...».

С этой же точки зрения в своей словарной статье о мотиве судьбы пишет К.А. Кедров в «Лермонтовской энциклопедии»: «Судьба у Л., фигурирующая также под именами “рока”, “жребия”, “фатума”, “закона”, по своей сути недоброжелательна к человеку. Уже в первых произведениях появляется “грозный рок”, “гибельный рок”, и в дальнейшем через всю поэзию проходит судьба, которая “губит”, “унижает”, “томит”, “отравляет надежды”, разлучает любящих; лирический герой претерпевает “ужасный жребий”, испытывает на себе “бури рока”. Но в главе “Фаталист” Печорину удаётся избежать смерти. Можно ли считать, что мотив судьбы так и не раскрывается в этой главе? Конечно же, так считать нельзя. Здесь героем Лермонтова руководит ни сколько противостояние судьбе, а сколько её выпытывание, особенно томительное от осаждающих поэта дурных предчувствий; не столько утверждение самоволия, сколько угадывание своего конца, обостряемое скукой жизни (“пустой и глупой шутки”). Да, Печорин предугадывает смерть Вулича. Вулич же не выдерживает “игру с судьбой” после осечки и ему достаётся “ужасный жребий”: его зарубил пьяный казак. В “Фаталисте” герои и действие у Л. призваны доказать, что человеку не дано “своевольно располагать своей жизнью” и

“каждому из нас заранее назначена роковая минута”. Индивидуалистические нормы жизни Печорина, его принципы завязаны на противоборстве с судьбой, обусловленный глубоким скепсисом, которым наделил его автор.

Смысл “Фаталиста”, принципиально важное значение его для понимания образа Печорина и всего романа в целом в том как раз и состоит, что, обращая нас к этим духовным истокам печоринского индивидуализма, заставляя нас понять его как определённую концепцию жизни, он заставляет нас тем самым и отнестись к печоринскому индивидуализму именно с этой точки зрения, прежде всего – не просто как к психологии, не просто как к исторически показательной черте поколения 30-х годов, но и как к мировоззрению, философии жизни и принципиальной попытке ответить на вопрос о смысле жизни, назначении человека, об основных ценностях человеческого бытия. “Фаталист” требует, чтобы именно под этим углом зрения мы и рассмотрели жизненный путь лермонтовского героя, оценили итоги детального анализа печоринской души».

Но будет ли мотив судьбы ведущим в повести «Метель» А.С. Пушкина определять героя? Есть ли принципиальные отличия использования данного мотива у Пушкина?

И.М. Тойбин указывает на исторический контекст в формировании данных тем в творчестве А.С. Пушкина. Он пишет: «в представлении Пушкина признание исторической необходимости отнюдь не исключает ни значения личной воли, ни роли случая»; здесь же указывается термин «провиденциальном случае» – то есть то, что не только не является закономерностью, но и отрицает её. Отсюда можно сделать вывод, что у автора имеется определённая задача вскрывать «действие Провидения в движении человечества». В «Метели» же Пушкин раскрывает это движение с истории частной человеческой жизни. Обратимся к исследованиям С.А. Кибальника. Сергей Акимович пишет, что именно случай как «мощное, мгновенное орудие Провидения является одним из сквозных мотивов пушкинского творчества

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

1830-х годов». Здесь мы видим, что контекст исторической эпохи позволяет использовать этот мотив, но для создания чего?

М.О. Гершензон справедливо усматривал в этой повести изображение «жизни-метели не только как властной над человеком стихии, но как стихии умной, мудрейшей самого человека». Звучит прозрачный намёк на действие какой-то надличной силы: «Метель не утихала, ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу»; «Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел»; «...я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель, и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною, казалось, кто-то меня так и толкал».

Именно Провидение, а не слепая судьба, руководящая человеком. У Лермонтова же Провидение называется фатализмом, но нет роли случая. В Провидении случай играет большую роль. В «Метели» сила эта имеет все внешние признаки слепой судьбы: не несущее угрозу стихийное явление, навсегда разъединяющее Владимира с Марьей Гавриловной и вносящем в её жизнь «ужасную тайну». Метель действует в полном согласии со снами, виденными Марьей Гавриловной «накануне решительного дня». С.А. Кибальник считает, что «В контексте повести сны могут быть осмыслены только как знаки, поданные Провидением (традиционная для Пушкина 1830-х годов функция сна)».

Но если в «Фаталисте» герой понимал Предзнаменования судьбы, хотя они были не явны и вступал с ними в противоборство, то в «Метели» герои не слышат настойчивых предупреждений Провидения и оказываются ввергнутыми в суровое испытание, которое сами они преодолеть не властны. «Провидение же, в свою очередь, как это ему неотъемлемо свойственно, пристально следит за ними и вознаграждает лишь тогда, когда к ним приходит полное осознание ответственности за их непоправимые, необдуманные поступки», – пишет С.А. Кибальник.

Развязка «Метели» обнаруживает всю благостность и дальновидность Провидения, столь сложным и запутанным путём соединяющего предназначенных друг для друга людей. То, что иногда представляется нам действием слепой Судьбы, есть на самом деле проявление мудрого замысла Провидения, то есть случай – это орудие Провидения: недаром легкомысленное решение продолжать путь, несмотря на «ужасную метель» или предвещание бурана и на благоразумные советы переждать, ввергает жизнь Бурмина в мучительные противоречия.

Итак, мы видим что выделяются три основных понятия: Судьба, Фатум и Провидение, используемые писателями в своём мотивном строении. Так же эти мотивы неразрывно связаны с чередой других мотивов в их функциональном применении, например, с мотивом сна, мотивом смерти и так далее.

В основном мотивы Фатума, Судьбы и Провидения раскрываются в образах лирических героев, которые непременно войдут в плеяду «лишних людей», как одна из основных черт раскрытия индивидуализма героев.

Конечно, существует проблема трактовки самих понятий фатума, судьбы, Провидения, рока, но, несмотря на это, активно вводятся они в литературный текст как средство создания неповторимых индивидуальных образов «героев нашего времени».

Список литературы

1. Виноградов, И. А. Философский роман Лермонтова / И. А. Виноградов // По живому следу. Духовные искания русской классики : литературно-критические статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – С. 7–48.
2. Гальцева, Р. А. Мотив судьбы / Р. А. Гальцева // Лермонтовская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1981.
3. Гершензон, М. О. Избранное. Т. 1 : Мудрость Пушкина / М. О. Гершензон. – М. ; Иерусалим : Университетская книга ; Gesharim, 2000. – 592 с.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

4. Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Т. 2 / М. М. Дунаев. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – 473 с.
5. Кедров, К. А. Мотив судьбы // Лермонтовская энциклопедия / К. А. Кедров. – М. : Советская энциклопедия, 1981.
6. Кибальник, С. А. Художественная философия Пушкина / Ю. М. Кибальник. – СПб. : Petropolis, 1998. – 200 с.
7. Кибальник, С. А. Тема случая в творчестве Пушкина / Ю. М. Кибальник // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV. – СПб., 1995. – С. 60–75.
8. Лотман, Ю. М. Проблемы Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 5–22.
9. Тойбин, И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма / И. М. Тойбин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 1976. – 280 с.